

сон выступае як маркер біблейскага першатэксту, які дазваляе дасведчанаму чытачу спрагнаваць галоўную тэму твора, што праз мастацкую інтэрпрэтацыю пераствараецца ў залежнасці ад задумы аўтара. У вузкім сэнсе бібліянімі *Самсон* з аднаго боку з'яўляецца аманімічным, паколькі розныя аўтары (У. Караткевіч, А. Гарун, К. Сваяк і інш.) выкарыстоўваюць яго для наймення сваіх твораў, з другога боку, ён мае пэўны сінанімічны патэнцыял, бо аднолькава названы рэміфалагізаваны паэтычны тэкст узыходзіць да аднаго і таго ж першатэксту, рэалізуючы пры гэтым сваю арыгінальную мастацка-эстэтычную ідэю. Безумоўна, правільнае разуменне і карэктная эксплікацыя алюзіянага канататыўнага сэнсу бібліяніма ў канкрэтным паэтычным творы патрабуе належнага валодання міжтэкставай кампетэнцыяй і ў выпадку з загатоўкам-алюзіяй *Самсон* ведання біблейскага пратэксту.

Літаратура

1. Біблія. Кнігі Сьвятога Пісаньня Старога і Новага Завету кананічныя ў беларускім перакладзе / пер. В. Сёмуха. – Duncanville, USA : World Wide Printing, 2002. – 1535 с.
2. Верабей, А. Абуджаная памяць: Нарыс жыцця і творчасці У. Караткевіча [Электронны рэсурс] / А. Верабей. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 256 с. – Рэжым доступу: <http://karatkevi.ch/kritika/verabei-abudzhanaja-ramjac/verabei2.html>. – Дата доступу: 25.10.2017.
3. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста : учеб.пособие. – 2-ое изд., перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
4. Самсон [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. – Режим доступа: <http://eleven.co.il/article/13681>. – Дата доступа: 26.12.2017.
5. Сваяк, К. Выбраныя творы / К. Сваяк ; уклад. І. Багдановіч. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – 472 с.
6. Тарасюк, Л. Журба ідэалу. Паэзія Казіміра Сваяка [Электронны рэсурс] / Л. Тарасюк // Наша вера. – 2001. – № 3 (17). – Рэжым доступу: <http://media.catholic.by/nv/n17/art4.htm>. – Дата доступу: 20.12.2017.
7. Штэйнер, І. “Свет шчодры. Свет мяне паўторыць...”: паэзія У. Караткевіча і класічныя традыцыі : манаграфія / І. Штэйнер. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – 120 с.

Е.А. Красина

Российский университет дружбы народов
e-mail: elena_krassina@mail.ru

УДК 821.161.1

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В РОМАНЕ Д. БЫКОВА «ОРФОГРАФИЯ»: ПЕРСОНАЖИ И ПРОТОТИПЫ

Ключевые слова: *аллюзия, оним, персонаж, прототип, текстоним, языковая игра.*

В статье рассматриваются личные имена в романе современного русского писателя Д. Быкова «Орфография» как текстонимы, реализующие стилиобразующую функцию художественного текста, и одновременно как эстетические знаки, формирующие образность на уровне текста романа в целом и системы персонажей. Иерархия персонажей устанавливается с опорой на прототипы исторических личностей и формируется на основе языковой игры, сочетающей фактографические сведения и аллюзии.

**PERSONAL NAMES IN THE NOVEL "ORTHOGRAPHY" BY D. BYKOV:
CHARACTERS AND PROTOTYPES**

Key words: *allusion, onym, literary character, prototype, textual onym (textonym), language game.*

The article treats personal names of the novel "Orthography" by modern Russian writer D. Bykov as textual onyms fulfilling style-forming function of literary text and simultaneously as aesthetical signs conforming expressiveness of the novel text as a whole and its system of characters. The hierarchy of characters is based on the names of prototypical historic personalities and is formed within language game, combining factual data and allusions.

В качестве средств выражения образности художественный текст использует разнообразие языковых ресурсов, в том числе и имена собственные. Ономастикон романа Д. Быкова «Орфография» главным образом содержит топонимы Петербурга-Петрограда-Ленинграда и личные имена собственные, которые выполняют стилеобразующую функцию и позволяют описать историческую основу этого «roman a clef», по мнению М. Назаренко, романа-оперы, по определению автора Д. Быкова.

В life journals и критических статьях отмечается, что автор «Орфографии» отсылает читателя к двум рядам персонажей – реальных исторических лиц периода 1910-х и далее годов и так наз. современных персонажей, но каждый раз не столько с реальными лицами, сколько с их отражениями.

Так, буквально в начале романа, в Прологе упоминаются такие русские филологи, как Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов, стоявшие у истоков орфографической реформы конца XIX века, но нет отсылки к Л.В. Щербе и другим как оппонентам, так и сторонникам реформы. Это и писатель Андрей Белый – использована его настоящая фамилия Бугаев, как и фамилия студента-филолога Лосева, – это А.Ф. Лосев. Здесь же назван А.В. Луначарский, нарком просвещения молодой Советской России, который подписал указ о реформе орфографии 1918 г., при этом далее он фигурирует в романе под именем Чарнолуцкого: разрушена звукословесная структура имени, но фамилия и персонаж легко угадываются. Подобные фонетические примы наблюдаем в случае Корнейчук (не писатель-драматург, а персонаж романа), прототипом которого послужил К.И. Чуковский (Корнейчуковский), аналогично Несин – Есенин, отчасти Львовский – Шкловский, Мельников – Хлебников и др. [2]. Эти изменения-реконструкции – яркий пример языковой игры, вызывающей аллюзии на фоне игры звука и слова. Любопытна и реконструкция фамилии беллетриста Ростислава Кремнева: Крем – Грэм, персонаж романа, далее ассоциированный с А. Грином. Наконец, непосредственно в эпиграфах к Действию первому «Желтый Чорт» фигурируют имена Владислава Ходасевича и Александра Грина. Таким образом, фактография и экспрессия личных имен персонажей создают образность в пространстве романа в целом.

Другие имена совсем не вызывают аллюзий на известных исторических личностей, политических деятелей, ученых, писателей и поэтов, художников, например [2; 3], сравните реконструкции:

Альтергейм – Вагинов
Апфельбаум – Зиновьев
Ашхарумова – Нина Берберова
Борисоглебский – Циолковский

Бродский – Урицкий
Бронштейн – Троцкий
Вогау – Пильняк
Галицкий – митрополит Введенский
Грэм – Александр Грин
Долгушов – Ушаков Д.Н.
Казарин – Ходасевич
Корабельников - Маяковский
Кульбин и Митурин – художники-авангардисты Кульбин и Митурин :-)
Лотейкин – Игорь Северянин
Свинецкий – Савинков
Фельдман – Гершензон
Хламида – Горький
Хмелев – Шмелев И.С. и т.д.

Помимо фонетических и слоговых аллюзий, важную роль для характеристики и установления исторического прототипа играет описание внешности и манер персонажа, его деятельности: это в первую очередь относится к Хламиде (М. Горький) и Корабельникову (В. Маяковский), которые проявляют себя как организаторы новой жизни и революционной деятельности интеллигенции.

Главный персонаж романа, прототипом которого стал известный русский прозаик, критик, журналист, автор ряда фантастических рассказов и нескольких романов Виктор Яковлевич Ирецкий (Ириксон), псевдоним Виктора Яковлевича Гликмана (1882–1936), как об этом пишет Д. Быков [1, 732].

Под именем Ять он появляется уже на первых страницах романа: «Подписываться Ятем он стал с двадцати лет – с тех пор, как начал публиковаться в »Пути», «Глашатае» и «Веке» корреспонденции и мелкие рассказы. (...) У него имелись, как положено, имя, отчество, паспорт (...). Фамилия эта была псевдонимом его отца, рано умершего врача и притом еврея-выкреста. Однако сам Ять давно называл себя Ятем, и по этому псевдониму знала его небольшая но преданная аудитория. Псевдоним он взял не из трусости, не потому, что не любил отцовскую фамилию (...). Ему нравилась буква. Ять и себя считал условностью, которая только по бесконечному терпению Божию не упраздняется. Но он знал, что без его нечто неуловимое сдвинется и перестанет существовать» [1, 25–26]. Некоторое подобие отличительных знаков личности Ять приобретает, когда решается уехать в эмиграцию и получает паспорт из рук своей бывшей возлюбленной Татьяны, но автор романа всё же не называет его фамилии, имени и отчества.

Очевидно, что такой оним – личное имя собственное прямо противоположно так называемым говорящим фамилиям и типизированным в литературной критике персонажам: Онегин – умная ненужность; и Печорин – герой своего времени, а по сути, анти- или псевдогерой; гоголевские персонажи, имена которых стали нарицательными: чичиков, ноздрев, собакевич, коррбочка, манилов и плюшкин, и многие-многие другие персонажи русской классической литературы. На этом фоне Ять – это человек-невидимка, самый обычный свидетель истории, который неизбежно теряется в её анналах.

Тем не менее, Д. Быков предваряет появление Ятя эпиграфом, который ставит на первое место. Это «запоминалка» на «ять»:

*Бело-серый бледный бес
Убежал поспешно в лес.
Белкой по лесу он бегал,
Редькой с хреном пообедал
И за бедный сей обед
Дал обет не делать бед.*

Покидая Россию, Ять пишет эти же строчки на память своему единственному собеседнику и товарищу – доктору Фридриху Клингенмайеру, хозяину лавки «Раритеты и древности» в крошечном полуподвале Петербурга, но уже используя букву **Ъ** дореформенного русского алфавита [1, 719]:

*БЪло-сЪрый блЪдный бЪс
УбЪжал послЪшино в лЪс.
БЪлкой по лЪсу он бЪгал,
РЪдькой с хрЪном пообЪдал
И за бЪдный сЪй обЪд
Дал обЪт не дЪлатъ бЪд.*

Персонаж Клингенмайера занимает промежуточное положение между реальными историческими личностями и литературными образами романа: он явно вымышленный: «У этого немца (а впрочем, кто знал, что он немец?) была внешность не то персидского звездочета, не то иудейского мудреца: темно-смуглое лицо, тонкий с горбинкой нос, мягкие морщины» [1, 31–32]. А далее Д. Быков намекает на причину приязни между Ятем и Клингенмайером, который «ценит лишь причудливые ухищрения без особого практического смысла». Тем не менее, всё же представляется, что этот немец-антиквар достаточно типичная фигура в Петербурге: он мог стать немцем-выкрестом в период определения черты оседлости, чтобы продолжать заниматься любимым делом - собирать древние ненужности.

Итак, в романе Д. Быкова выстраивается как бы иерархия персонажей, имеющих исторические и реальные прототипы: личности исторические с настоящими историческими фамилиями и именами – личности исторические, известные, но с измененными фамилиями и именами – личности типические в аспекте места и времени – личности-персонажи вымышленные.

Все они являются текстонимами, средствами создания языковой игры, аллюзий, создающими образность романа, а потому – своеобразными эстетическими знаками.

Литература

1. Быков, Д. Орфография. Опера в трех действиях / Д. Быков. – М. : ПРОЗАИК, 2011. – 736 с.
2. Назаренко, М. Поэтика двойственности в романе Дмитрия Быкова «Орфография» [Электронный ресурс] // Літературознавчі студії. – Вип. 10. – К. : Київський Університет, 2004. – С. 222–225. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/nazarenko/bykov.php>. – Дата доступа: 27.12.2017.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ljoisk.ru/archive/466748.html. – Дата доступа: 27.12.2017.

Л.В. Кривошлыкова

Российский университет дружбы народов
e-mail: lvk1404@mail.ru

УДК 81'25

АЛЛЮЗИВНАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ В. НАБОКОВА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «КАМЕРА ОБСКУРА» / «LAUGHTER IN THE DARK»)

Ключевые слова: *литературные антропонимы, аллюзия, аллюзивные антропонимы, лингвокультурный концепт, авторский перевод, билингвизм.*